

Галажинский Э.В., Ключко В.Е. Категория «отношение» в психологии в свете парадигмальной динамики науки // Мир психологии, № 4, (68), 2011, с. 14–31

Желая проследить процесс развития категории «отношение» в психологии, необходимо войти в процесс движения психологического познания для выявления объективных тенденций его развития. Об этих тенденциях писал Л.С. Выготский, утверждая, что они «действуют за спиной отдельных исследователей и теоретиков с силой стальной пружины» (3, с. 324). Сегодня, когда научный дискурс о природе и механизмах развития науки выродился в спор на тему «либо монизм, либо плюрализм», предполагающий, что «третьего не дано», достаточно рискованно утверждать взгляд на развитие науки, предполагающий нечто третье. Ученые упорно продолжают искать логические опоры собственного мышления то в монизме, сводящем многообразие к единству, то в плюрализме, признающем многообразие, лишенное внутреннего единства, не замечая, что их упорство на самом деле является составной частью «процессов перерождения научной ткани в психологии», единство которых «и обуславливает волю всех исследователей» (3, с.125). Для того, чтобы предложить что-то «третье», необходимо сменить бинарную логику на более сложную и увидеть не борьбу двух сил, а стоящую за ней работу методологической мысли, пытающейся преодолеть бинарную оппозицию.

Понятие парадигма возникло на той стадии развития эпистемологии, когда она научилась рассматривать науку как «саморегулирующийся механизм» (Т. Кун), т.е. когда она пыталась представить себя в качестве саморегулирующейся системы со своими внутренними источниками развития, а изучение таких систем, как показал В.С. Степин, является прерогативой неклассической науки. Если же посмотреть на науку как открытую саморазвивающуюся систему, а смотреть именно так является компетенцией постнеклассики, то возникает совершенно другая картина природы, механизмов и тенденций развития науки.

Представляя науку как саморазвивающуюся систему, мы, чтобы оставаться последовательными, должны и теории, составляющие науку, рассматривать как элементы этого саморазвивающегося целого. Тогда и куновский образ науки, «растущей изнутри» в процессе постановки и разрешения познавательных головоломок, меняется на образ науки, находящейся в постоянном обмене информацией с ее средой, каковую и составляют культура в широком смысле слова, включая сюда другие науки, философию, религиозные учения и т.д. Источник (само)развития науки связывается теперь с процессом кросс-фертилизации — «взаимного оплодотворения» (Л. Берталанфи) различных научных дисциплин в процессах внутрисистемных и межсистемных взаимодействий.

Тогда можно ставить вопросы об объективных тенденциях развития науки, в том числе и о том, как возникает в науке конкретная категория, и почему она развивается именно так, а не иначе. Здесь мы вступаем в пространство транспективного подхода, как специально разработанного средства познания тенденций развития и закономерностей усложнения системной организации открытых саморазвивающихся человекоразмерных систем, применимому как к науке, так и человеку (14). Не имея возможности останавливаться на нем хоть сколько-нибудь подробно, заметим, что человек, как и наука, живет за счет непрерывного обмена со средой, но это очень странный обмен. Пока человек жив, он не сливается со средой, выдерживая свою обособленность, но стоит ему закрыться от среды, и его жизнь закончится. Этот странный симбиоз на самом деле есть драма человека, суть которой заключается в открытости человека в мир, продолженности в него, на фоне сохраняющегося у человека ощущения своей неслиянности с ним.

Это ощущение позволяет человеку понимать себя как свободное, творящее и познающее мир существо, отдвигая в тень переживание постоянной зависимости от мира. Поэтому легко рассуждать о свободе как ничем не детерминированном явлении, но гораздо труднее объяснить, каким образом может быть свободным человек при том объеме ограничений, которые накладывают на него его собственные отношения с миром: начиная от порогов ощущений, позволяющих вырезать только небольшой, но значимый участок сущего, и кончая

ценностно-смысловыми «фильтрами», пропускающими в сознание то, что имеет отношение к его напряженным потребностям и возможностям. Причем это такие фильтры, которые придают человеку его конкретный человеческий облик, и полное освобождение от которых означало бы почти мгновенную смерть индивидуальности.

«Тайна» обмена заключается в том, что он, безусловно, является взаимодействием, но это *направленное и избирательное* взаимодействие. Понять и принять такое заключение очень сложно: психологи привыкли считать направленными деятельность, действие, воздействие, даже противодействие, но никак не взаимодействие. Еще совсем недавно нам проще было принять тезис о том, что единый акт отражения подчиняется одновременно двум разным логикам (отражение идет по логике взаимодействия, а его избирательность подчиняется логике деятельности (20, с.158)), чем признать взаимодействие избирательным и направленным актом.

На этой стадии рассуждения мы впервые сталкиваемся с тем, что составляет предмет данной работы — с отношением. Представление о том, что отношение включено в акт взаимодействия, что именно своей включенностью в сердцевину взаимодействия отношение придает взаимодействию направленный и избирательный характер, является ключевым для теории психологических систем (ТПС), на методологической базе которой усилиями сибирских психологов сегодня формируется системная антропологическая психология, с позиций которой и подготовлена данная работа (7), (15).

Всей логикой своего развития психология доказывает тот факт, что отношение является категорией, которую нельзя рассматривать как рядоположенную другим категориям. Если отражение толкуется как всеобщее свойство материи, то отношение есть то, что определяет саму возможность отражения, делая его избирательным, а в живых системах еще и направленным отражением. Здесь обнаруживается и основная задача психологии, которую сформулировал Л.С. Выготский, и которую психология после него так и не смогла принять, а, точнее, просто не заметила — «выяснить, в чем польза того, что *глаз не видит многого* из известного в оптике. От низших форм реакции к высшим ведет как бы

суживающееся отверстие воронки» (3, с. 347). Можно полагать, что именно отсюда берет начало методология, от которой исходит «ощущение высочайшей методологической культуры», позволившая Ст. Тулмину назвать Л.С. Выготского «Моцартом в психологии»: отказ от понимания психики как отражения и признание другого ее предназначения — «психика есть высшая форма отбора» (3, с.347).

Думается, что вовсе не случайно именно сегодня категория «отношение» стала предметом обсуждения на страницах психологического журнала. Оптимистический взгляд пытается уловить в этом признак того, что наша наука поднялась (или приближается) к такому уровню методологической культуры, на котором можно более адекватно ставить и решать задачи повышенной сложности, т.е. такие задачи, которые возникали на более ранних этапах становления науки, но не находили приемлемого решения. К числу таких проблем можно отнести весь проблемный комплекс, центрируемый понятием «отношение».

Наука, видимо, так и развивается: сначала сталкивается с проблемой, а потом формирует в себе мышление, способное ее разрешить. Во всяком случае, об этом говорит А. Эйнштейн в своем известном афоризме: «Проблемы никогда нельзя разрешить с тем же образом мыслей, который их породил». Если согласиться с М.К. Мамардашвили в том, что наука есть нечто иное, как «постоянное расширение способа восприятия человеком мира и себя в нем» (21, с.125), то возникает вполне естественный вопрос: не расширилась ли методологическая «рамка» психологии в ходе ее развития настолько, что в фокусе науки оказалась теперь не только психика, но и сам человек, принадлежностью, неотрывной частью которого она является? Ведь *отношение (как психологическая категория) релевантно целостному человеку, а не его части — даже такой значимой, как психика.*

Это означает, что мы сегодня поднимаемся к тому, чтобы признать, наконец, человека в качестве предмета психологии и готовы согласиться с правотой С.Л. Франка в том, что «человек есть живой центр духовных сил, направленных на действительность. *Это внутреннее, субъективное отношение человека к действительности, эта направленность человеческой души на мир, образующая самое*

существо того, что мы зовем нашей жизнью... оставалась совершенно вне поля зрения обычной, так называемой "эмпирической психологии"» (34, с.441). Иными словами, если наука в своем развитии действительно представляет процесс последовательной смены основных «формаций научного мышления», его «стилей и структур» (36), то этот процесс вывел таки (или выводит) к такой форме мышления, которая позволяет ввести отношение в поле зрения науки в качестве приоритетной научной проблемы.

Не будем забывать о том, что проблемы обретают настоящую актуальность только по мере становления познавательных средств и процедур, адекватных для их решения. Даже самый настоятельный социальный заказ, обращенный к психологии, не сможет сделать актуальной проблему, если наука не готова к ее адекватной постановке и решению. Если предположить, что за каждой из «формаций научного мышления» стоит парадигма, фиксирующая (конкретизирующая и оформляющая) совокупность познавательных средств, ресурсов и процедур, адекватных конкретному «формату» мышления, то последовательная смена этих форматов в процессе становления науки и есть то, что призвано фиксировать понятие «парадигмальная динамика». Отсюда следует, что не мышление меняется в связи со сменой парадигмы, а наоборот, меняющееся (закономерно усложняющееся) научное мышление с помощью понятия «парадигма» заявляет о наступлении нового этапа в своем становлении. За формами (парадигмами) просвечивает процесс возвышения этих форм в их включенности в объективные тенденции становления науки как открытой саморазвивающейся (и самоорганизующейся) системы. Известно, что режимом существования таких систем является усложнение их системной организации. Самоорганизация в целом — это присущая материи способность к усложнению элементов и созданию все более упорядоченных структур в ходе своего развития, которая обнаруживаются на всех уровнях сложности и упорядоченности, начиная с макромира и кончая крупномасштабными структурами Вселенной (25).

Без выхода в парадигмальную динамику невозможно разглядеть процесс развития категории «отношение» в психологии, то место, которое она занимала в категориальном аппарате психологической

науки на разных стадиях ее становления. До сих пор сложно даже определить ту роль, для выполнения которой эта категория призвана самим фактом включения в категориальный аппарат науки. Парадоксальным образом категория, долгие годы остававшаяся в тени или вовсе выпадавшая из поля зрения психологии, продолжала оставаться включенной во все основные понятия науки, такие как личность, деятельность, психика, сознание. Деятельность до сих пор рассматривается как специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру. Сознание привычно толкуется как единство знания о мире и отношения к нему. Сохраняется тенденция определять личность как "ансамбль отношений", идущая еще от В.Н. Мясищева, впрочем, как и традиция определять личность как сознающего человека (индивида, субъекта), т.е. снова через отношение, являющееся атрибутивным признаком сознания.

В целом понятно, что без психики человек вряд ли может реализовать систему отношений к миру и самому себе, при том такую систему, которая, находясь в постоянном движении и развитии, продолжает оставаться тем, что определяет основные параметры его (человека) индивидуальности. Можно полагать, что психика и сознание в функциональном плане завязаны на обслуживание системы взаимоотношений человека (с миром и самим собой), но тогда *им нельзя приписывать роль самостоятельных (суверенных) субъектов отношения.*

Последнее утверждение кажется настолько самоочевидным, что дальнейшее обсуждение его кажется излишним. Тем не менее, как мы попытаемся показать ниже, именно здесь располагается одна из точек бифуркации, т.е. точек, в которых наука оказывается перед необходимостью определения дальнейшего пути своего развития. Мы не можем уклониться от того факта, что в психологии целые концепции построены на аксиоматике, в которой психика и сознание рассматриваются в качестве самодействующих органов или организмов. «Деятельность психики», «психическая деятельность», «психическая активность», «деятельность сознания», «работа сознания», «активность сознания» — это ведь не метафоры, не научные идеализации, а вполне реальные психологические конструкты, которыми переполнена наука. У всех у них один общий признак — эти деятельностные

характеристики или описания применяются в данном случае к тому, что не является субъектом самостоятельной деятельности, как не является и субъектом отношения.

От того, Кто именно (или Что именно) будет выбран (или выбрано) в качестве субъекта отношения, зависит эффективность постановки и последующего решения одной из центральных и наиболее трудных проблем нашей науки — проблемы места и роли психического в организации высшей формы жизни, представителем которой является человек. Противоречие заключается в том, понятие отношение психология вынуждена была использовать раньше, чем в ней проявился вопрос о том, кто же на самом деле является субъектом отношения.

Полидисциплинарный и конкретно-научный статус категории «отношение».

Понятие «отношение» слишком фундаментально, объемно и полидисциплинарно, поэтому ни одной науке не удастся его операционализировать. В связи с этим и возникает вопрос о том, стоит ли за этим феноменом хоть какая-то реальность, имеющая самостоятельный статус. При попытке ответить на него открывается, что за этим понятием скрываются как минимум еще два феномена, которыми нельзя пренебречь, не потеряв при этом смысл исходного понятия. Отношение как таковое, «отношение вообще» не существует: в нем всегда присутствует элемент взаимности, поскольку всегда предполагается существование двух явлений, между которыми существует отношение.

В математике устанавливается «отношение А к В», которые позиционно достаточно равноправны. Физика долго считалась с этим «равноправием», пока не столкнулась с явлением, перевернувшим всю науку. Оказалось, что результат физического исследования зависит *от позиции* наблюдателя, и эта относительность неискоренима. Это был мощнейший удар по всей системе сложившегося научного мышления, который сблизил два традиционных поля философии науки: метафизические проблемы (истина и реальность) стали обретать эпистемологический (метод и рациональность) статус. Знание должно

соответствовать истине, иначе наука не будет объективной, но на пути теорий истины, основанных на представлении о соответствии, встал познающий субъект, со своим отношением к миру, своей пристрастностью, своей позицией.

Видимо не случайно А.Н. Леонтьев писал о смыслах, в которых наиболее выражено кристаллизуется отношение человека к предметам и явлениям, как «высшей математике психологии» — ею нельзя поделиться с «первым встречным», т.е. с человеком, не имеющим соответствующего опыта профессионально-психологического мышления. При этом В.В. Налимов отмечает «удивительный парадокс: мир живого представляется нам существенно более сложным, чем физический мир, и в то же время... описывается исходя из гораздо более простых соображений, чем это имеет место в физике и космогонии. *Нельзя серьезно относиться к научному мировоззрению до тех пор, пока не будет преодолен этот парадокс*» (23). Отчасти психология сама виновата в своих стремлениях к упрощенному мышлению, но, с другой стороны, весь путь ее становления — это выход к все более и более сложному мышлению. Об этом догадывался А. Эйнштейн, утверждая, что психология «гораздо сложнее физики».

Дело, видимо, в том, что физик и психолог познают разную реальность, каждая из которых отличается уровнем своей системной организации. Соответственно, им требуется и мышление разного уровня системности. Когда в первые десятилетия прошлого века физики, переходя к изучению микромира, пришли к осознанию того, что объект и субъект познания взаимосвязаны, да еще таким образом, что сами объекты теперь необходимо было понять как составные части ситуации наблюдения, то это перевернуло всю методологию научного знания в целом. А что же психология?

Для некоторых выдающихся представителей психологической науки открытие неклассической физикой взаимосвязи между субъектом и объектом познания никаким открытием, на самом деле, не было. Они уже тогда использовали элементы мышления, которое сегодня называют постнеклассическим. Если для физиков предметом исследования выступала четырехмерная реальность (три координаты плюс время), то психологи постепенно приходили к убеждению в том, что непосредственного, прямого выхода к этой реальности у человека

нет. Поэтому физикам не стоит удивляться (или сокрушаться) по поводу того, что результат физического исследования оказывается зависимым от позиции наблюдателя. «Голый физический стимул света не есть полная реальность» — писал Л.С. Выготский (4, с.73). Среда человека не является для него физической средой, «чистой объективностью». «Голого, несоциального, непосредственного общения с миром у человека нет» (4, с.63). Как это похоже на гегелевское: «Материя в себе не имеет для души никакой истины...» (8, с.199).

В результатах научного поиска не отражается напряжение поисковой потребности, жажда признания, соперничество, материальные блага, которые сулит удача. В них не должны отражаться триумф и трагедия человека ищущего истину, а потому изгоняющего самого себя из пространства, им же самим одушевленного. Поэтому нельзя называть реальностью то, что не имеет никакого отношения к человеку, не отвечает его потребностям, возможностям и текущему состоянию. Мир, в который не спроецирован дух, мир неодушевленный, живущий в себе и для себя, тождественный самому себе, такой мир может быть реален только для себя, но фантазия, рисующая такой мир, не реалистична. Человек не создает реальность. Он создает многомерный мир, обеспечивающий ему чувство реальности. Реальность ни есть то, что отражается органами чувств — здесь только предпосылки, отталкиваясь от которых человек пытается выйти к истине. Для человека реально то, к чему он имеет отношение, то, что имеет для него значение, смысл, ценность.

Итак, сложность в том, что понятие «отношение» изначально относится к внепсихологическим, и при этом достаточно глобальным категориям. Как мы уже заметили выше, так же как за отражением просматривается «всеобщее свойство материи», за отношением просматривается не менее всеобщее ее свойство. Отражение возможно только там, где имеет место определенное соответствие взаимодействующих сторон. Для живых систем, которые своим существованием обязаны способности *избирательно и направленно* обмениваться со средой веществом, энергией, информацией, отражение вообще не существует в отрыве от отношения. Отбор предполагает соответствие: ни одна открытая живая система не отбирает из среды то, что имеет для нее значение, *случайным* образом.

Ни одна из таких систем не отражает «все», для того чтобы последующим *перебором* выбрать из необъятного «всего» значимое для нее «здесь и теперь».

Избирательность взаимодействия присуща всей материи, потому что она не может санкционировать произвольные, т.е. любые формы и способы качественных и количественных изменений взаимодействующих объектов, иначе она потеряет способность быть тем, чем она есть. Относительному порядку, который мы наблюдаем во вселенной, она обязана избирательности как внутренней характеристике взаимодействия (33).

Как мы отметили выше, отношение каким-то таинственным образом включено во взаимодействие, делая этот акт избирательным и направленным. Здесь, пожалуй, и располагается одна из самых напряженных (в методологическом плане) проблем, решение которой зависит от того, насколько удастся психологам ассимилировать мышление, адекватное по своей сложности уровню объективной сложности возникающей проблемы. Мы привыкли мыслить таким образом, что легко различаем направленные акты в виде действия (воздействия, противодействия), и столь же легко повторяем вслед за физиками, что «любое действие есть взаимодействие», но представить «направленное взаимодействие» пока еще очень сложно.

Если мы не вскроем тайну этой включенности отношения в саму сердцевину акта отражения, то сохранит свою тайну не что-нибудь, а сам предмет нашей науки: «*вся психика* построена по типу инструмента, который выбирает» (3, с.347). Л.С. Выготский лучше своих современников понимал, что психика существует не для того, чтобы обслуживать *случайный отбор* из среды того, что имеет смысл, но она вовсе не предназначена для «*перебора*» всего, что в принципе доступно человеку: «глаз, который видел бы все, именно поэтому не видел бы ничего; сознание, которое создавало бы все, ничего бы не создавало, и самосознание, если бы создавало все, не создавало бы ничего» (3, с.347).

На самом деле здесь сталкиваются две логики. Одна логика берет свое начало в гносеологии отражения (субъект — объект — взаимодействие — отражение), где абсолютно опускаются вопросы о том, что привело «противоположности» во взаимодействие. Другая

логика уходит своими корнями в онтологию, потому что отношение (интенциональность, направленность, избирательность) есть, прежде всего, категория онтологическая. А дальше происходит то, что Л.С. Выготский назвал «смещением гносеологической и онтологической проблем», которое происходит путем прямого перенесения в психологию готовых выводов, «что и приводит к искажению и той и другой» (3, с. 410).

В.П. Зинченко предлагает выход: онтология как философское учение о бытии должна быть распространена и на психологию сознания. «Мы редко сомневаемся в том, что объективное существует, но почему-то обязательно хотим сделать субъективное дериватом объективного, вместо того чтобы расширить само понятие объективного, включив в его пределы субъективное и при этом сохранив его самим собой» (9, с.50). Л.С. Выготский видел это процесс «включения» с другой стороны: расширить понятие субъективного как того, что проникает в объективное и тем самым «искажает» действительность в пользу человека («положительная роль (психики) — не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущение), а в том, чтобы не всегда верно отражать, т.е. *субъективно исказить действительность в пользу организма*» (3, с.347)). Отсюда вытекает присущее Л.С. Выготскому понимание сущности психики. «Сущность психики с положительной стороны... интенциональное отношение к предмету», — писал Л.С. Выготский (5, с.15).

Однако ясно, что субъектом интенционального отношения является не сама психика, а целостный человек, в процессах взаимодействия с миром и самим собой реализующий свои отношения к миру и самому себе. Взаимодействие всегда происходит в пространстве и времени, а пространственно-временные отношения входят в содержание процессов взаимодействия. Кажется, так просто: кто живет, тот и относится, кто отражает мир и созидает его, тот и выбирает в мире то, что к нему имеет отношение. Однако до сих пор этот целостный человек в психологической науке не представлен, но зато всеми признаками жизни (жизненными отношениями, в том числе) наделяются его многочисленные аналоги — субъект, личность, индивид, индивидуальность. Подчас уже трудно сказать по какому «ведомству» каждое из них может быть «прописано» — по миру «одушевленных

предметов», именуемых «кто», или по миру «неодушевленных предметов», именуемых «что». Однако все более ясным становится, что никакими ухищрениями, методологическими в том числе, невозможно сложить в нечто целостное то, что открывают эти различные «аспекты», «ипостаси», «точки зрения на человека», «психологические срезы», сделанные с человека, аналитически выделенные его «системные качества» или «органы».

Здесь требуется специально оговорить, что, с нашей точки зрения, конкретная наука (психология) не должна претендовать на решение вопросов, заведомо превышающих пределы ее компетенции. Психологии нужен «целостный человек» для того, чтобы решать свои специфические задачи, потому что, как указывал С.Л. Выготский, «без человека как целого нельзя объяснить деятельность его аппарата (мозга), что человек управляет мозгом, а не мозг человеком (социо!), что без человека нельзя понять его поведение, что психологию нельзя излагать в понятиях процесса, но драмы» (5, с. 62). Речь, следовательно, идет не о том, что психология намеревается стать наукой, претендующей на получение единственно верного и наиболее целостного знания о человеке, изрядно потеснив при этом философию и другие гуманитарно-ориентированные науки. Можно полагать, что «целостный человек» сегодня нужен психологии, потому что наука пытается ассимилировать новую парадигму, новый способ мышления, утверждающий непродуктивность дальнейших попыток постижения роли, миссии, функций психического в процессе изучения ее самой.

Более того, вполне вероятно, что эта изначальная оторванность отношения от своего истинного субъекта стала стимулом возвращения целостного человека в психологию, активизировав поиски по разрешению многочисленных противоречий, возникших в результате этого разрыва. Образно говоря, оторвавшись от своего подлинного субъекта, понятие отношения «провисло» и стало искать себе «хозяина», вступая в связь с любым другим понятием, которое хотя бы намекало на возможность выступить в такой функции. Поэтому отношение и оказалось включенным в содержание абсолютно всех основных понятий психологии, так и оставаясь неопределенным в своем содержательном составе. Оно сегодня проглядывает через смыслы и ценности, интересы, мотивы, цели, установки и т.д., подстраиваясь под

конкретный концептуальный каркас различных (по уровню системности использованного в них мышления) теорий.

Никакие приемы интеграции не смогут восстановить то, что было утрачено под неумолимым скальпелем аналитики. А утраченным как раз и является то, что делает человека целостным, обеспечивает устойчивость его системной организации под возмущающим влиянием внутренних и внешних коллизий и позволяет сохранять себя, удерживать свою самость в условиях постоянно идущего процесса саморазвития. «Залог величия человека — самостояние его...», — это красиво и верно, но не будем забывать, что это «самостояние» происходит в точке постоянного несовпадения человека с собой. Именно человека, а не парциальных его представителей, с которыми до сих пор имеет дело психология.

Сегодня наука вошла в зону перекрытия парадигмальных установок, причем в этой зоне неразличимо сосуществуют элементы простого (одномерно-бинарного) мышления, свойственные классицизму, сложного (бинарно-тернарного) мышления неклассического уровня и сверхсложного (многомерного) мышления, адекватного реалиям наступающей постнеклассической эпохи (16), (17). Контурсы проблемного поля современной психологии определяются особенностями ее движения в зоне перехода от бинарного мышления к многомерному.

Проблема отношения в призме одномерно-бинарной логики классической науки

Рассмотрим несколько парадоксов, которые, по нашему мнению, обрушили классицизм. Конечно, эти «классические» схемы в различных вариантах воспроизводятся и сегодня, только почему-то не позиционируют себя неоклассическими, т.е. реставрирующими идеалы классической рациональности в современных условиях науки, уже принявшей в себя идеалы неклассической и даже элементы постнеклассической рациональности. Вне транспективного анализа, вне контекста парадигмальной динамики науки они остаются неразличимыми, скрываясь в общем потоке прогрессирующего психологического познания.

Отражение без отношения: одномерно-бинарная логика классицизма. На первых стадиях становления психологии как науки особых парадоксов, связанных с диадой «отражение — отношение» не возникало. Осваивая свой научный статус, примеряя его на себя, психология использовала самую простую (одномерную) логику. Над вопросом, который озвучит Л.С. Выготский, наука еще не сильно задумывается. «В психологии к нам влетают в рот жареные голуби; в наше сознание и чувство попадают только заключения, только результаты... Но разве возможна наука о результатах без посылок?» (3, с. 415). Для одномерной классики еще не актуален вопрос о том, где же на самом деле находится «кухня» в которой эти голуби «жарятся»: она изучает не механизмы осознания, а его эффекты, то, что в него влетело («как жареный голубь») и стало доступным для интроспекции. В это время *изучать сознание означало изучать содержание сознания* — анализом выделять его элементы, в меру возможностей их структурировать и систематизировать психические явления, доступные самонаблюдению. Интуитивно было понятно, что элементы мира, ставшие доступными сознанию, имеют непосредственное отношение к человеку, но вопрос о том, каким образом отношение оказалось проводником в сознание предметов, имеющих для человека смысл, еще не возникает как такой вопрос, на который можно получить научный ответ.

Однако чем более четко проступало поле субъективных феноменов, тем более контрастно выступала его оппозиция — объективная реальность, столь очевидно действующая на органы чувств, и значит первичная по отношению к субъективной реальности. Переход к бинарной логике был предопределен. Этому способствовало: самоочевидность противостояния *Я* и *не-Я* (материи и духа, субъективного и объективного), гносеологическая метафора, с которой психология была связана первородными связями еще в период пребывания ее в лоне философии, обсервационизм (бадейна теория — К. Поппер), за две тысячи лет несколько не потерявший своей живучести, и до сих пор привлекающий своей простотой (29).

Попытки рассуждать об избирательности сознания в бинарной логике, признающей только две реальности — объективный мир, непосредственно действующий на органы чувств, и субъективную

реальность в виде представлений об объективном мире, возникающих в сознании, рождает много разных парадоксов. Невольно субъектом отношения становится не человек, не какой-либо из его аналогов, представляющих один или несколько значимых человеческих признаков или граней, а сознание как таковое, которое «работает», отбирает стимулы, строит гипотезы и т.д. Отношение человека к миру, сама витальная онтология, определяющая логику жизни, не рассматриваются, поскольку все это только заслоняет механизмы работы сознания и его собственную логику, сообразуясь с которой «действует» сознание. Пока еще кажется возможным изучение психического в абстракции от отношения как несущественного признака. Даже сегодня не все принимают мысль Л.С. Выготского: «мы не считаем безразличным для психологического процесса его психическую сторону *с несравнимым ни с чем отношением к предмету*» (5, с.15).

Безусловно, вводимое в теорию допущение, признающее субъектом жизни, а значит и отношения, не человека, а его составную часть (сознание), является слишком сильным. Современная психология, в пространстве которой выживает такая теория, уже перешла к другой логике, которая утверждает, что свойства объектов, необходимые для построения моделей мира, отобраны не случайным образом, однако и не в результате работы сознания, опирающегося на собственную ему (сознанию) присущую логику. Д.В. Ушаков, анализируя общее и различное в теориях А.Н. Леонтьева и Я.А. Пономарева, пишет: «Выбор информации, из которой создаются наши модели действительности, производится не нашим сознанием, а... После этого «а» пути расходятся, А.Н. Леонтьев продолжает фразу словом «деятельностью», а Я.А. Пономарев — «взаимодействием» (32). Общее для обоих теоретиков, замечает Д. Ушаков, это то, что *оба они исходят из целостного образа человека*. И пусть А.Н. Леонтьев относит адекватность познания на счет его включенности в практическую деятельность с ее целями, производящими отбор информации, а Я.А. Пономарев — на счет наличия контроля за нашими представлениями о мире со стороны самих объектов, выходя к интуитивному знанию. Ни одна теория не претендовала на открытие абсолютной истины, но вместе они обозначили ту лейтлинию в психологии, придерживаясь

которой наука на конкретной стадии своего развития организует процесс поиска истины.

Здесь нельзя упустить главное — через целостный образ человека происходит смена идеологической платформы, отход от гносеологии отражения как идейной основы классической психологии в сторону онтологии отражения, «витальной антологии» (С.Л. Рубинштейн). Не лучше обстоит дело и с пониманием эмоций как формы отражения.

Отношение после отражения: парадокс «двойного отражения». Этот типичный парадокс, порождаемый бинарной логикой, возникает естественным образом. Если человек не отразил некий «факт реальной действительности», то он к нему не может относиться. Нельзя относиться к тому, что еще не отражено, что не представлено в сознании. Если же он этот факт отразил, то для отражения в сознании своего отношения к нему он должен вновь взаимодействовать... с собственным отношением к факту, который теперь существует для человека в форме образа или представления о нем.

Любопытно проследить за тем, как «раскаивался» К.К. Платонов в том, что когда-то (еще в 1936 г.) они (с Л. М. Шварцем) опубликовали следующее определение эмоций, вошедшее затем, в учебники: «...отражение положительного или отрицательного отношения человека к фактам реальной действительности, переживаемое как чувство, и называется эмоцией». С тех пор это неточное определение с несущественными вариантами кочует по учебникам» (27, с.11). Заметим, что его можно встретить в учебниках и сегодня в других «несущественных вариантах». Так в чем же усматривал ошибку собственного определения эмоций К.К. Платонов, один из самых эрудированных психологов того времени?

«Известно, что отношение — это психическое явление и, следовательно, отражение действительности. Значит, устраивающая многих формулировка «эмоции — это отражение отношений человека к фактам реальной действительности» по существу означает: «эмоции — это отражение одной его формой другой» или еще короче: «эмоции — это отражение отражения», в смысле самоотражения психики психикой, с чем уже никак нельзя согласиться, так как отражаться может только реальный мир» (27, с.11). Как же исправил это «неточное определение» К.К. Платонов? Через десять лет, в другой книге он вновь вернулся к

этому парадоксу, но теперь, не изменив своей логике, был вынужден признать отношение человека к отражаемому факту явлением объективным, т.е. таким, с которым можно взаимодействовать, и это к указанному парадоксу не приводит (28). Однако от этого сам парадокс все-таки не исчез: в любых вариантах бинарной логики он будет воспроизводиться снова и снова.

Например, в такой форме. «Рассмотрим одну из самых неразрешимых философских головоломок: как представления сознания можно сопоставить с реальностью? Ведь в сознании нет реальности, там есть только представления о реальности. А нельзя сличать то, что есть в сознании, с тем, чего в сознании нет» (1, с. 12). Эта «головоломка» к психологии прямого отношения не имеет, она представляет собой результат упомянутой «бадеиной логики» и, как большинство парадоксов, возникающих в науке, являются результатом неправильно поставленной проблемы. Человек не «бочка с дырками», через которые проникает объективная реальность, а сознание ни есть то, что сидит в этой «бочке» и, опираясь на свою логику, отбирает факты и формирует представление о них. По сути дела, парадокс — это сигнал о том, что необходимо сменить мышление, перейти в другую логику, в которой парадокс не возникает.

Например, можно представить, что предметы и явления внешнего мира сами пристаю́т к нам («навязываются нашему уму» — Б.Ф. Ломов (20, с.158)), но понятно и другое: обстоятельства, вещи, предметы «не могут воздействовать избирательно именно на нас, поскольку это, во-первых, не субъекты умыслов, обращенных к нам, и, во-вторых, то, что мы полагаем предметом, есть продукт нашей категоризации действительности» (10, с.54). Если «во-первых» Е.А. Климова вряд ли можно опровергнуть, то его «во-вторых» на самом деле бьет по бинарной логике сильнее, чем кажется. Это мощный сигнал, указывающий на необходимость изменения исходной логики. Оказывается, что «навязывается нашему уму», «влетает в открытый рот» нечто, берущее свое начало вовсе не в мире «чистой» объективной реальности, а в какой-то другой, более сложно организованной реальности. И если это не признать, то остается вернуться к Г. Гельмгольцу и вновь приписать такие свойства, как категориальность и осмысленность, органам чувств или самому восприятию, хотя при этом

остаётся, как заметил А.Н. Леонтьев, глубоко скрытая опасность «в логической необходимости апеллировать в конечном счете к врожденным категориям» (19, с.5).

Отношение параллельно отражению: бинарная логика.

Вспомним, как четверть века назад Б.Ф. Ломов выступил с достаточно энергичной критикой теории перцептивных действий А.Н. Леонтьева. Попытка трактовки ощущений и восприятий «как результатов действия вносит ненужный момент произвольности: дело представляется так, будто бы субъект воспринимает не то, что есть в действительности, а то, что ему надо» (20, с.157). Однако если этот «момент произвольности» исключить, то получится формула «человек воспринимает то, что есть в действительности, хотя это ему вовсе не надо». Легче остаться в пределах бинарной логики, т.е. представить, что психический процесс развертывается изначально по логике отражения (взаимодействия), а избирательность его, каким-то образом определяется логикой деятельности (20, с.158). А дальше психолог должен самоопределяться: либо не обращать внимания на логический парадокс и продолжать делать дело своей жизни в привычной для него логике, либо согласиться с наличием двух разных логик при изучении одного феномена, что не так-то просто, либо направить свои поиски на разрешение противоречия, что гораздо сложнее.

Парадокс двойного отношения. Как справедливо указывают А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский, отношение как особая характеристика психической связи индивида с действительностью «представлено повсеместно» — идет ли речь об образе этой действительности, о мотиве, побуждающем личность совершать или не совершать какое-либо действие, и т.п. (26). Однако если представить, что *реальность*, к которой относится человек, *действительность*, к которой он имеет отношение, на самом деле означают не «то, что есть на самом деле», а «то, что есть на самом деле для человека», то возникает парадокс «двойного отношения». *Ведь относясь к реальности, каковую, надо полагать, и отражает человек, он относится и к самому себе.* Понятие реальность уже содержит в себе отношение. Реальность (по Гегелю) есть «вещь в себе и для другого», по С.Л. Рубинштейну — «вещь в себе, становящаяся вещью для нас».

Для «классического ума» (бинарного мышления) это парадокс, для «неклассического ума» это проблема, требующая разрешения.

Проблема отношения в призме бинарно-тернарной логики неклассической науки

Сущность неклассической психологии невозможно отразить некоторым набором принципов, признаков или описаний теорий, которыми она представлена. Неклассика — это мощнейший пласт психологии, пронизанный тенденцией перехода науки от бинарного мышления к тернарному. Он содержит в себе также и ранние выходы к многомерному мышлению, которые до сих пор наукой не оценены. Можно сказать, что суть неклассической психологии заключается в преодолении постулата непосредственности, стремлении поставить между субъективной и объективной реальностями нечто третье, но это будет не совсем точно. Важнее учесть попытки взять «противоположности» в одной системе собственно психологических координат.

Тернарная логика — это не просто логика, учитывающая нечто «третье», дислоцирующееся «между» двумя противостоящими реалиями, но такая логика, которая пытается определить ту новую форму, в которую они превращаются в процессе взаимодействия. Она начнет рассматривать дух как то, что проникает в мир и транспонирует в него всю систему отношений человека к миру и самому себе. Дух предстанет как «совокупность всех *смысловых значимостей, направленностей жизни, актов исхождения из себя (без отвлечения от Я)*» (2, с.184).

Обратим внимание на то, какими понятиями фиксируют ученые этот факт движения духа в окружающий мир. Они очень красноречивы. За этими понятиями стоит глубина проникновения в сложнейшее устройство человека, степень погружения в эту глубину по мере того, как оттачивается логика профессионального мышления, позволяющая отойти от дискретного понимания психики и сознания (в качестве самодействующих в человеке хорошо структурированных «органов»). Континуальная логика осваивается медленно, постепенно, но она поступательно возвращает науку к целостному человеку, к системно понятому человеку как существу не подкожному, продленному в мир, и к

психике, которой отведена самая существенная роль в порождении многомерной реальности — непрерывного и подвижного пространства жизни.

Выделим некоторые понятия, которыми разные ученые обозначили искомый процесс движения духа в материю, внутреннего во внешнее, субъективного в объективное. Представив ряд таких понятий, как «соприсутствие», «со-бытие», «встреча», «соприкосновение», «укорененность», «единство», «органическая слитность», «переходная форма», «транссубъективное», «взаимопревращение», «новая реальность» можно интуитивно почувствовать объединяющую эти понятия тенденцию к все более системному представлению о том, как происходит встреча «противоположностей», и чем она, в конечном счете, оборачивается.

Например, «соприсутствие», «со-бытие» или «соприкосновение» выражают менее тесную связь между взаимодействующими сторонами, нежели чем их «взаимопревращение», порождающее «новую реальность». Тенденция эта отражает рост сложности познавательных процедур в процессе развития науки, возрастание уровня системности психологического мышления. Причем все это происходит в рамках одного этапа развития науки, называемого неклассическим, и при этом не совпадает с хронологией пройденного пути. В чем, наверное, прав Г. Олпорт, так это в том, что стабильность не может быть критерием «нормальности» любого эволюционирующего процесса, а рост сложности происходит не вследствие гомеостаза, а вследствие определенного рода «*трансистаза*» — «сохранения человеческих отношений в движении, а не просто в состоянии устойчивого равновесия. Стабильность не может быть критерием нормальности, поскольку стабильность заводит эволюцию в тупик, отрицая как рост, так и сплоченность» (24, с.39).

У В. Франкла понятие «соприсутствие духовного сущего другому сущему» является одним из основных. Пытаясь его определить, он приходит к выводу: соприсутствие — «интенциональность этого духовного сущего». Признание этого, считает В. Франкл, «освобождает нас от бремени доказательства, как одно проникает в другое. За это освобождение мы, однако, должны платить, а именно отказом от дальнейших вопросов, в том числе и от вопроса, что стоит за этой

последней предельной способностью духа соприсутствовать иному существу» (35). Онтология познания, считал В. Франкл, не может открыть сущность соприсутствия — духовное сущее "как-то" соприсутствует иному существу и это надо принять, избегая вопроса о том «как именно» духовное сущее соприсутствует с другим сущим. Ясно, что наука вряд ли удержится от соблазна все-таки разрешить этот вопрос.

С.Л. Франк, вопреки столь самоочевидной «неслиянности» духа и материи, приходит к выводу о «жизни души в предметном бытии». Здесь уже признается не просто соприсутствие двух начал, а «укорененность» одного в другом, их «органическая слитность». Одним предложением он раскрывает последовательность, чуть ли не этапность процесса движения духа в предметную реальность: встреча — соприкосновение — укорененность — органическая слитность. «При анализе предметного сознания мы видели также, что субъективное единство нашей душевной жизни есть среда, в которой *встречаются* или *соприкасаются* две объективные бесконечности — бесконечность познающего разума или духа и бесконечность предметного бытия. Это дает возможность заранее сказать, что духовная жизнь, будучи жизнью "души" в духе, *укорененностью* субъективного единства нашего "я" в глубинах надындивидуального света, есть вместе с тем жизнь души в предметном бытии, некоторая *органичная слитность* ее с миром объектов» (34, 163-164). Теперь задачей науки станет проникновение в сущность того, что являет собой эта «органическая слитность» двух начал, стимулируя переход от тернарного мышления, признавшего «слитность», к многомерному мышлению, пытающемуся разглядеть в ней некий внутренний порядок, в которой она существует.

Позиция Л.С. Выготского в отношении данного вопроса в какой-то мере уже представлена на страницах данной работы, но обобщая можно сказать, что ученый, очень хорошо чувствовавший объективные тенденции развития психологии, утверждавший, что диалектика психологии это диалектика человека как предмета психологии, упорно искал «переходную (между духом и материей) форму» (5, с. 59). Роль психики виделась ему «в субъективном искажении» объективной реальности человеком, чтобы он «мог действовать», т.е. действовать, понимая смысл и ценность своих действий. В этом «искажении» рождаются «психологические свойства внешнего» — прообразы тех

сверхчувственных измерений многомерного мира человека, к которым выйдет А.Н. Леонтьев (19), но ведь и Л.С. Выготский задавал вопрос о том, возможно ли существование сверхчувственных вещей (таких, как товар) без психики? (5).

Д.Н. Узнадзе предложил свою концепцию взаимосвязи между внутренним и внешним, связанную с «принципом коинциденции», который до сих пор так и не стал предметом специального психологического анализа. Почему? На наш взгляд, это был слишком ранний «забег» в постнеклассику. Д.Н. Узнадзе предложил способ разрешения дихотомии между «внутренним» и «внешним», которая изначально закладывается авторами различных теорий развития, рассматривающих эти феномены как различные «факторы» и пытающихся определить роль каждого фактора в развитии. Ситуацию, по его мнению, не меняет даже утверждение их «единства» в виде «конвергенции равнодействующих сил», представленных внешними воздействиями и внутренними потенциями. Коинциденция — это есть «единство», но какое? Д.Н. Узнадзе поднимается в своем мышлении на такой уровень системности, который только сейчас начинает соответствовать науке, осваивающей идеалы постнеклассической рациональности. «Таким образом, понятие внутреннего уже содержит в своем содержании то, что считают внешним, и наоборот, понятие внешнего — то, что считают внутренним. Это значит, что размежевание содержаний этих понятий совершенно невозможно, и, следовательно, перед нами стоит факт коинциденции, единства понятий внутреннего и внешнего, врожденного и приобретенного» (31, с.110).

Д.Н. Узнадзе фактически выходит к идее избирательного взаимодействия. Он считает, что взаимодействие внутреннего и внешнего нельзя понимать как «случайную встречу двух порядков явлений». Более того, Д.Н. Узнадзе обнаруживает источник саморазвития, но даже сегодня очень трудно понять и принять этот ход мысли. Он полагает, что внутреннее потенциально содержит в себе некую силу, которая освобождается из состояния «простой потенциальности» при встрече с внешними условиями, «которые подразумевает эта сила». Именно поэтому «развитие подразумевает поступательное движение, рост, таким образом, понятие развития содержит идею правила, закономерности, случайная же встреча двух

порядков явлений, нет сомнения, не сможет создать закономерного процесса» (там же, с.107).

Избирательное взаимодействие, освобождающее силы, питающие саморазвитие — переход потенциала в потенции, возможностей в действительность, это уже вхождение в многомерную логику, выводящую к идеалам постнеклассической рациональности.

Проблема отношения в призме тернарно-многомерной логики

«От атома до звезды, от бактерии до человека и общества, организация целого приводит к возникновению у него новых качеств или свойств по отношению к частям, рассмотренным в их обособленности. Новые качества — это эмерджентности», — так поясняет принцип целостности, характеризующий современное «сложное мышление», его теоретик Эдгар Морен (22, с.17). О том что «целое больше суммы частей» мы знаем еще со времен зарождения гештальтпсихологии, но вот о том, что «организация целого приводит к возникновению у него новых качеств или свойств по отношению к частям, рассмотренным в их обособленности» приходится говорить отдельно.

Например, в психологии до сих пор практически не ставится вопрос о том, что же исчезает при «разделении» человека на его составляющие? Что мы теряем навсегда при таком членении, и что можем получить в результате выхода профессионального психологического мышления к объективной сложности человека *как целостного (системного) саморазвивающегося и самоорганизующегося многомерного явления?* Ответим на эти вопросы пока кратко, но образно: скальпель аналитики убивает Дух.

Именно дух является полномочным представителем целостного человека в окружающем его мире. Он превращает безличную, индифферентную, в себе и для себя существующую «окружающую среду» в *многомерное одушевленное пространство жизни*, в котором человек может действовать, понимая смысл и ценность своих действий, т.е. действовать осознанно и потому ответственно. Дух это транслятор человеческих ожиданий, надежд, потребностей и возможностей, т.е. всей совокупности того, что лежит в основе системы отношения

человека к миру, в «равнодушную» по отношению к нему окружающую среду. Эта трансляция превращает «вещь в себе» в «вещь для нас», обеспечивая человеку чувство реальности бытия. Она делает *соотносимыми* то, что в системе «Я» — «не-Я» выступает в качестве «противоположностей».

Так что же такое дух, каков его «психологический портрет»? *Дух — это описание психического, понятого в его непрерывности и континуальности, в дальнодействии, т.е. в его способности породить реальность человеческого бытия путем транспонирования отношений человека в окружающее пространство, заставляющего резонировать в ответ то в нем, что способно ответить.* Эта мысль не является результатом работы теоретизирующего ума. О смыслах и ценностях как сверхчувственных качествах предметов нам пришлось заявить, когда аппаратная запись эмоций, синхронизированная с содержанием разворачивающей деятельности испытуемого, вскрыла неожиданный и труднообъяснимый в то время феномен, а именно *непрерывно идущий отклик объективных условий деятельности на меняющиеся субъективные человеческие ожидания и запросы* (12). Представления о сверхчувственных качествах были конкретизированы при разработке принципа системной детерминации, в соответствии с которым, внутреннее и внешнее, субъективное и объективное, вступая во взаимодействие, производят нечто третье — сверхчувственные, общесистемные качества. Будучи психологическими новообразованиями, не сводимыми ни к первому, ни ко второму, они становятся своеобразным параметром порядка, указывающими направления развития системы за пределы ее актуального состояния, организуя тем самым переход возможности в действительность как основание устойчивого существования саморазвивающихся систем в реальном времени и пространстве (6), (11).

Развивая системную антропологическую психологию, мы понимаем человека как открытую в мир и к себе самому саморазвивающуюся систему, но это, как нам кажется, не унижает человека, не преумаляет его величия, а наоборот, возвращает и легитимизируем изгнанный из психологии в XX веке дух. Другими словами, когда мы пытаемся понять роль и миссию психического в системе целостного человека, дух сам

восстанавливается в своих правах. Здесь нет редукции человека к простым системам, которые изучают другие науки. Мы пытаемся понять человека как сверхсложный феномен, требующий для своего познания адекватного по сложности мышления, можно сказать мышления предельно сложного на «текущий момент» актуального бытия психологии как науки. Необходимо учесть, что «сегодня познавательное и технологическое освоение сложных саморазвивающихся систем начинает определять стратегию переднего края науки и технологического развития» (30).

Таким образом, ситуация — это не чисто объективный фрагмент «вещи в себе». Дух уже осел на этом фрагменте «вещи в себе» и она превратилась в «вещь для человека». Объективная («в себе и для себя живущая») реальность в этом фрагменте становится реальностью для живущего человека, его витальной онтологией. Постепенно становится понятным, что имел в виду Л.С. Выготский в своем определении функции и миссии психики. «Психика выбирает устойчивые точки действительности среди всеобщего движения. Она есть островки безопасности в гераклитовом потоке. Она есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать» (3, с. 347). Можно полагать, что по мере вхождения в многомерную логику наша наука раскроет всю глубину этой мысли.

Литература

1. *Аллахвердов В.М.* Структура сознания // Психология сознания: современное состояние и перспективы: материалы II всероссийской научной конференции. 29 сентября — 1 октября 2011 г., Самара. — Самара: ПГСГА, 2011. — 480 с (с. 11–13).
2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: В 6 т. М., 1996. Т.4.
3. *Выготский Л.С.* Собр. соч., т. 1., 1982.
4. *Выготский Л.С.* Собр. соч., т. 5, 1983.
5. *Выготский Л.С.* Конкретная психология человека. Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1986, №1.
6. *Галажинский Э.В.* Системная детерминация самореализации личности: Автореф. д. психол. н.: спец. 19.00.01. — общая психология, психология личности, история психологии / Э.В. Галажинский. — Барнаул, 2002. — 44 с.

7. *Галажинский Э.В., Ключко В.Е.* Высокие гуманитарные технологии в образовании: между гуманизмом и манипуляцией // Психология обучения, 2010. — №12. — С. 5–28.
8. *Гегель Г.* Сочинения, т. 3. Москва, 1956.
9. *Зинченко В.П.* Ценности в структуре сознания // Психология сознания: современное состояние и перспективы: материалы II всероссийской научной конференции. 29 сентября — 1 октября 2011 г., Самара. — Самара : ПГСГА, 2011. — 480 с. (с. 43–84).
10. *Климов Е.А.* Об амбифлукторной природе психического. Вестник Моск. ун-та, сер.14, Психология, 1992.№ 1. С. 51–60.
11. *Ключко В.Е., Галажинский Э.В.* Самореализация личности: системный взгляд. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999.
12. *Ключко В.Е.* Динамика типологических форм системного подхода и перспективы развития психологической науки. Депонирована в ИНИОН АН СССР, 1987, №29171.
13. *Ключко В.Е.* Инициация мыслительной деятельности. Автореф. докт. психолог. наук. М.: МГУ, 1991.
14. *Ключко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах (введение в трансспективный анализ). Томск, 2005.
15. *Ключко В.Е.* Системная антропологическая психология и образовательная практика // Психология обучения, 2008. — №8. — С. 9–21.
16. *Ключко В.Е.* Эволюция психологического мышления: этапы развития и закономерности усложнения // Сибирский психологический журнал. 2011, №40, с. 136–152.
17. *Ключко В.Е.* Философия и психология многомерности // 125 лет Московскому психологическому обществу: Юбилейный сборник РПО: В 4-х томах: Том 1 / Отв. ред. Богоявленская Д.Б., Зинченко Ю.П. — М.: МАКС Пресс, 2011. — 328 с.
18. *Ключко В.Е.* Эволюция психологического мышления: этапы развития и закономерности усложнения // Сибирский психологический журнал. 2011, №40, с.136–152.
19. *Леонтьев А.Н.* Психология образа // Вестн. Моск. унта. Сер. 14, Психология. 1979. С. 3–13.
20. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии // Б.Ф. Ломов — М.: Наука, 1984.
21. *Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990, с. 358.
22. *Морен Э.* Метод. Природа Природы. — М.: Прогресс-Традиция, 2005. — 464 с.
23. *Налимов В.В.* Самоорганизация как творческий процесс. [Электронный ресурс]: http://kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_960.htm.

24. *Олпорт Г.* Становление личности: Избранные труды. М.: Смысл, 2002. — 462 с.
25. Основные понятия синергетики и принципы самоорганизации открытых систем. Необходимые условия самоорганизации. [Электронный ресурс]: <http://fizika.3dn.ru/publ/1-1-0-5>.
26. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998.
27. *Платонов К.К.* О системе психологии М.: Мысль, 1972 с.
28. *Платонов К.К.* Система психологии и теория отражения. М.: Наука, 1982.
29. *Поппер К.* Эволюционная эпистемология. [Электронный ресурс] : <http://www.keldysh.ru/pages/mrbur-web/philosophy/popper.html>.
30. *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. Режим доступа: http://filosof.historic.ru/books/c0026_1.shtml
31. *Узнадзе Д.Н.* Антология гуманной педагогики — Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2000, — с. 224. С.110.
32. *Ушаков Д.В.* Параллельные открытия в отечественной и зарубежной психологии: пример интуиции и имплицитного научения. Электронный ресурс: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/mezhdunaro/nauchnye_m/razdel_1_o/ushakov_dv.html.
33. *Чусовитин А. Г.* Концепция взаимодействия (историко-методологический анализ). Новосибирск: Изд-ВО НГПУ, 1993. С. 140.
34. *Франк С.Л.* Душа человека: Опыт введения в философскую психологию // Реальность и человек. М.: Республика, 1997.
35. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990 г. [Электронный ресурс]: <http://www.gennadij.pavlenko.name/ex-book?text=44>.
36. *Ярошевский М.Г.* К истории форм психологического познания. Вопросы психологии, № 3, 1981, с.137–145.